

ГЕНРИХ
КНИЖНИК
ГОШКА-
ВОЛЧОНОК

Интересное чтение

Генрих Книжник
Гошка-волчонок

Издательство «Мелик-Пашаев»

2022

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Книжник Г. С.

Гошка-волчонок / Г. С. Книжник — Издательство «Мелик-Пашаев», 2022 — (Интересное чтение)

ISBN 978-5-00041-494-1

Родители любознательного подростка Гошки отправляются в Бразилию на поиски редких растений, а сына доверяют на все каникулы деду, который где-то далеко, в Сибири, занимается наблюдениями за повадками зверей. Гошка попадает на Биостанцию и с головой окунается в новую, невероятно увлекательную жизнь. Интуитивно он понимает, что самыми интересными для него будут волки. Так и получилось. Гошке удается установить тесный контакт с волчицей Донной, и он начинает вести по-настоящему научные наблюдения за ее поведением. Несомненное достоинство книги – это взаимоотношения разных детей и взрослых, выстроенные автором правдоподобно, без назидания, но с точными педагогическими акцентами. Кроме того, автор «между строк» и между напряженными сюжетными линиями рассказывает много интересного и полезного из области биологии и зоологии.

УДК 821.161.1-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00041-494-1

© Книжник Г. С., 2022
© Издательство «Мелик-Пашаев», 2022

Генрих Соломонович Книжник
Гошка-волчонок

© ООО «Издательство «Мелик-Пашаев», 2022

Гошкины родители – геоботаники – опять уехали на всё лето в экспедицию за редкими растениями для Ботанического сада. Обычно на время их отъезда Гошка оставался на даче с бабушкой Настей. Но в этот раз торчать там все каникулы он категорически не хотел. Дачный кооператив, пятьдесят пять участков по шесть соток, на бабушкином участке домик и будка с уборной и душем. Вода для душа нагревается солнцем в баке, но всё равно холодная. И грядки-грядки-грядки, которые всё время надо поливать, пропалывать, опрыскивать... И Гошка должен помогать, с ребятами не поиграешь. Да и нет почти ребят в этом дачном кооперативе, есть сколько-то девчонок, но не в куклы же с ними играть.

Гошка заявил, что на дачу к бабушке он не поедет ни за что, а отвезут – сбежит. Напросится к кому-нибудь из друзей. Наташка вот приглашала, Серёжка звал... И в доказательство твёрдости своего решения Гошка ушёл к себе в комнату, лёг на диванчик носом в стену и стал себя жалеть. Но по-настоящему пожалеть не успел, потому что вошёл папа и сказал:

– Поедешь к деду в Сибирь, на Биостанцию. Дед скоро приедет в Москву по делам и захватит тебя.

Гошка онемел. На самолёте! В тайгу! Какое счастье! Он часто-часто закивал головой и вскочил с диванчика.

– А что я там буду делать?

– Дед тебе занятие найдёт. И у деда ты не забалуешь.

Гошка задумался. Забалуешь, не забалуешь – там посмотрим.

Деда, папиного отца, он видел редко – только когда тот приезжал в Москву по делам своей Биостанции. Дед был большой, широкий, косматый, бородатый, мрачный, а глаза весёлые. Гошке он нравился. Он никогда не называл его Гошей или Гогой, а только Георгием или Егором, и привозил вкусные гостинцы. И ещё он очень интересно рассказывал про зверей.

Из его рассказов получалось, что все звери умные и умеют думать не хуже людей, а в чём-то их даже превосходят. И что они, как и люди, очень разные по характеру и поведению. Например, придёт лисица к Биостанции, сядет и ждёт – может быть, покормят. Даже попросит, чтобы покормили. А другая ни ждать, ни просить ни за что не станет, а постарается украсть.

Или зайцы: один сядет на краю поляны и смотрит, как здесь люди живут, что делают, пока собаки не прогонят, а другой глянет без интереса и поскачет себе дальше.

Ещё про волков интересное рассказал:

«Однажды стая волков села на опушке, а один волк двинулся к нам. Дойти не смог – упал. Больной или раненый. Мы подошли к нему: волки вскочили и ощерились. Неприятно. Мы принесли миски с водой и мясом, поставили перед его мордой, то есть показали, что мы ему ничего дурного не сделаем. Волки поняли, успокоились и сели. А мы в воду добавили специальное снотворное. Волк уснул, я его осмотрел и увидел на шее за ухом огромный нарыв. Всё ясно. Нарыв мы вскрыли, волка поместили в клетку и оставили на поляне, чтобы волки его видели. Волки ещё посидели и ушли, но каждую ночь приходили, проверяли, как дела у собрата. Когда волк выздоровел, мы его отпустили, но он не кинулся сразу бежать, а постоял, поглядел на нас и ушёл не торопясь».

Ещё дед говорил, что звери могут молча обмениваться мыслями и разговаривать жестами и даже голосом: по-разному кричат, рычат, воют, пищат. И друг друга хорошо понимают.

Гошке очень хотелось посмотреть на всех дедовых зверей, и он не раз просил родителей отпустить его к деду. Но мама была категорически против: дикая природа, дикие звери... Мал ещё. Гошка ревел, папа и дед помалкивали, и мама побеждала.

Когда дед приезжал, он поселялся в Гошкиной комнате, а Гошка перебирался на время к родителям. Его диванчик был деду короток. Папа приставлял к нему табуретку и привязывал её, чтобы она не отъезжала от диванчика. После отъезда деда Гошка просил, чтобы табуретку не отвязывали, ведь он скоро вырастет, и она станет ему нужна. Но папа только улыбался и табуретку забирал.

Папа первым делом вёл деда в парикмахерскую, «приводить в человеческий вид», иначе не пустят ни в академию, ни в университет, а все полицейские патрули станут требовать, чтобы он предъявил документы. А в документах деда его фотографии без бороды! Дед тяжело вздыхал и подчинялся. После стрижки и бритья дед молодец, и оказывалось, что они с отцом очень похожи. Потом папа одевал деда в свои костюмы, рубашки и галстуки, и дед становился важным, даже величественным, и мог спокойно идти в академии и университеты и там разговаривать с важными людьми.

Мама с папой улетали в Бразилию через три недели, а дед должен был приехать в Москву через две недели. Гошка очень волновался, как бы дед не задержался или вообще не отменил поездку, – вдруг заболит кто-нибудь из его зверей или загорится лес и надо будет спасать и лечить пострадавших... Такое уже случалось. И тогда Гошке придётся опять ехать к бабе Насте на дачу. Кошмар! Но дед приехал вовремя, Гошка кинулся к нему и даже поцеловал, первый раз в жизни. Дед засмеялся:

– Ну что, Егор? Готов?

Гошка яростно закивал и выдохнул:

– Да!

Улетали вечером. Дед опять был в своей лесной одежде, но подстриженный и побритый. Девушка, которая пропускала пассажиров в самолёт, улыбнулась ему:

– Домой, Пал Петрович? Как вы помолодели. Вам идёт. Опять к своим зверушкам? А это кто? Внук? Похож на вас. Смену готовите? Кого изучать будешь, малыш?

– Волков, – неожиданно для себя ответил Гошка и понял, что да – волки ему интереснее всех.

В самолёте Гошка уселся у окна смотреть на мир сверху. Когда взлетали, всё было уже уныло-серым, неинтересным, Гошка даже огорчился. И вдруг яркое, резкое солнце ударило по глазам, стало очень светло, солнечные пятна от окон побежали по салону и исчезли.

– Дед, что это? – спросил Гошка шёпотом. – Почему солнце, откуда?

– Поднялись выше, горизонт отодвинулся, – ответил дед. – Не замечал раньше? Весь двор и нижние этажи дома уже в тени, а в окнах вашего десятого этажа ещё солнце. А почему солнце пробежало по салону и исчезло? Потому что самолёт поворачивался к нему хвостом. Оно сейчас на западе, а мы летим на восток. Ну, ладно, давай спать. Ночь у нас будет короткая.

– Почему?

– Неужели по географии не проходили? Завтра объясню. Спать! – И дед укрыл Гошку пледом, лежавшим на сиденье.

Гошке вроде бы совсем не хотелось спать, но он почему-то мгновенно заснул и проснулся от толчка и тряски, когда самолёт уже ехал по земле.

Потом был завтрак в ресторане аэропорта, и Гошка сначала заволновался, пустят ли деда в его лесной одежде в ресторан. Но официанты деду улыбались и называли по имени-отчеству. Потом Гошка заперезивал, не пропустят ли они свой самолёт, который должен был отвезти их в маленький городок недалеко от Биостанции. Потом боялся, что в самолёт забудут перенести их большой багаж: дед всегда вёз с собой из Москвы книги, журналы, какие-то склянки и мешки со звериными и человеческими лекарствами, инструменты и приборы. Но ничего не потерялось, всё погрузили прямо в салон маленького самолёта, и немногие пассажиры, а с ними и Гошка с дедом, расселись на металлических скамейках вдоль стенок самолёта. Самолёт разбежался и полетел.

Аэродром, на который сел их самолёт, был маленький, с одной бетонной полосой и небольшим зданием аэропорта. Все пассажиры направились туда, а Гошка с дедом подошли к вертолёту, который стоял на траве недалеко от бетонной полосы. Пришли какие-то дядьки, поздоровались с дедом, вытащили весь дедов и Гошкин багаж и перетащили его в вертолёт.

– Полетим на вертолёте? – замирая от восторга, спросил Гошка. – В самую-самую тайгу? Дед кивнул.

– Вообще-то здесь недалеко, и обычно за нами приходит машина, но недавно были сильные дожди, и дорогу размыло, машине не проехать. Пришлось заказать вертолёт.

Вертолёт не гудел, а трещал, но Гошке это не мешало. Он смотрел в маленькое круглое окошко, а внизу проплывал сплошной тёмный лес с редкими серыми пятнами озёр и неожиданными светло-зелёными полянами.

– Болота, – коротко объяснил дед. – Очень опасные. Один никогда не подходи к ним близко. Кажется, что под мхом твёрдая земля, а там трясина. С этого момента запоминай всё, что я тебе буду говорить, если хочешь вернуться домой целым и невредимым.

Дед говорил, как всегда, спокойно, но Гошка вдруг понял до самой глубины души, что он приехал в другой мир, ему незнакомый и поэтому опасный, и надо слушать и запоминать всё-всё, что скажет дед.

Появилась большая поляна с коттеджами, несколькими строениями, длинными, низкими сараями, озером на краю и маленькой речкой, втекающей в него. Вертолёт мягко сел, перестал трещать, и наступила тишина. Винт над ним ещё некоторое время вертелся, но вот остановился и он. От домиков к вертолёту бежали люди. Пилот открыл дверцу. Гошка услышал негромкий гул ветра, плеск речки, голоса подбегавших людей. И вдруг такая радость охватила его, что он чуть не завизжал и не завертел головой, как малыш.

Гошка сдержался, солидно слез на траву и тут же попал в руки какой-то женщины. Он сразу же понял, что это новая его бабушка – вторая дедова жена, о которой он знал из разговоров папы и мамы. А прежняя его бабушка не захотела жить с дедом в лесу и ушла от него, когда Гошка ещё не родился. Новую бабушку звали Антонина Фёдоровна. Гошке она понравилась: хоть и серьёзная, но видно, что добрая и ему рада. И вообще, такой можно даже всё про

себя рассказывать. Выслушает и, если надо, поможет или посоветует. Гошка это почувствовал сразу. Почему, он сам не знал. Почувствовал – и всё. А вот бабушкой он её называть не станет, она ещё слишком молодая. Она будет «тётя Тоня».

С Гошкой все хотели познакомиться, говорили, что он похож на деда, обнимали, гладили по голове, объясняли, что ему здесь будет хорошо и интересно. Но тётя Тоня сказала, что он, наверное, устал и голоден и все знакомства лучше отложить на завтра. И Гошка вдруг осознал, что он и вправду очень-очень устал, хочет есть и поскорее спать.

Проснулся Гошка рано и не сразу понял, где он. Встал, огляделся. Комната небольшая, в ней диван, на котором он спал, большой письменный стол, на нём лампа с зелёным абажуром, компьютер, бумаги, стаканчик с карандашами и ручками, несколько книг. Рядом стол поменьше, на нём микроскоп, какие-то склянки, стойки с пробирками, ещё какие-то стеклянные штуки. Шкафы с книгами и журналами...

«Дедов кабинет», – догадался Гошка.

Всего комнат оказалось три, как и в их московской квартире. Ещё одна с широкой кроватью и шкафами и третья с большим столом со стульями и креслами, диваном, низким столиком, буфетом и телевизором – гостиная. И ещё кухня, ванная и уборная. И ещё кладовка со всякими инструментами, куртками, сапогами – обычными и до пояса, – и вообще чего там только не было. Даже два ружья висели на стенке: одно с двумя стволами, другое с одним стволом и оптическим прицелом. Под потолком во всех комнатах люстры.

Гошка покрутил краны в ванной: из них текла вода, и холодная, и горячая. Он удивился: для горячей воды нужна электростанция, в Москве её трубы и башни виднелись из окна их квартиры. Может быть, здесь тоже есть такая, только маленькая? Решил спросить потом у деда.

Тёти Тони не было. Гошка выскочил на крыльцо, огляделся. Вон она, у речки, что-то делает... Разогнулась, оглянулась на Гошку... Улыбнулась. Гошка побежал к ней.

– Проснулся? Одевайся, умывайся. Есть хочешь?

Гошка кивнул и побежал обратно в дом. После еды он спохватился:

– Тётя Тоня, а где дед?

– По делам бегает. По хозяйственным и по научным. Его ведь десять дней не было, а он здесь за всё отвечает. Я домашние дела закончу и тоже пойду в лабораторию.

– А что ты там делаешь?

– Исследую насекомых. Особенно паразитов, которые живут на зверях.

– А какие они?

– Ой, много их, самых разных. Видел, наверное, как собаки чешутся? Это блохи. Есть и клещи, эти опасны и для животных, и для человека. Укус, если вовремя не спохватишься, может вызвать паралич. Они ведь кусают так, что ничего не чувствуешь.

Гошка вздрогнул.

– А если спохватишься?

– Сделают укол с антидотом, нейтрализующим их яд, и ничего не будет. Да ты не бойся! На даче от комаров обрызгивался, наверное? Вот и от клещей есть такие же средства, вон на полке стоят и бутылочки, и баллончики. Я тебя сейчас обрызгаю, и можешь до вечера спокойно бегать по поляне. Вон там под навесами вольеры со зверями, походи, посмотри, поговори с ними, они это любят. Только руки и пальцы сквозь решётку или сетку не просовывай, могут укусить. С собаками познакомься, дай им тебя обнюхать, они тебя примут за своего. Пошли.

Гошка с тётей Тоней вышли из дома, и к ним сразу подбежали два здоровенных чёрных пса с висячими ушами и один поменьше, разноцветный, с острыми ушами и закрученным вверх хвостом.

– Гобой, Фагот, – представила их тётя Тоня. – Их так назвал один наш сотрудник, любитель оркестровой музыки. У Гобоя голос звонкий, у Фагота – хриловатый. Они пастухи-охран-

ники, отгоняют волков от наших зверей, охраняют и людей. А это Чиркун. Почему так прозвали, не знаю, но прозвище прижилось. Он охотничья лайка, помогает, когда нужно отловить животное для исследований. Находит и лает: зовёт людей.

– А это Егор, – обратилась тётя к собакам. – Познакомьтесь, он новый член нашей общины, внук Павла Петровича, прошу любить и жаловать. Егор, протяни к ним руку. Дай понюхать, погладь.

Псы вызвали уважение, даже некоторый страх. Гошка протянул руку, псы потянулись к ней носами. Гошка опасно погладил их по головам, сначала Фагота, потом Гобоя, потом Чиркуна. Псы вежливо переждали его ласку, чуть мотнули хвостами и повернули морды к тётя Тоне.

– Проводите Егора к вольерам, – сказала тётя Тоня. – Пусть познакомится со зверями, а потом идите по своим делам. Иди с ними, Егорушка, а мне на работу пора.

Собаки повернули головы к Гошке и двинулись вместе с ним. Чиркун потрусил впереди, Фагот пошёл справа, Гобой сзади.

«Ну, прямо как телохранители из фильмов, – восхитился Гошка. – Учили их этому, что ли?»

Собаки довели его до невысоких длинных строений, состоящих из отсеков-клеток. Фагот хрипловато гавкнул – попрощался, и собаки ушли. Гошка повернулся к первому вольеру. За частой сеткой с низкой, тоже сетчатой, запертой на замок дверцей никого не было. Возле дверцы в плоском ящике стояли три миски, две пустые и одна с водой. Ящик был с ручкой, которая торчала наружу. Гошка сразу догадался, что ящик выдвигается, в миски кладут еду и задвигают его обратно. И заходить в клетку не надо. И звери не могут выскочить. Здорово!

В глубине клетки, в задней стенке, Гошка увидел небольшое тёмное отверстие. Вдруг из него высунулась симпатичная усатая мордочка, исчезла и появилась вновь. Гошка замер. Через какое-то время показалась головка с круглыми ушками. Гошка не шевелился. Головка исчезла, снова показалась, и, наконец, из отверстия вылез зверёк: длинное тело на низких ножках, весь в густом тёмном меху. Зверёк подбежал к сетке и уставился на Гошку глазами-бусинками. Вслед за первым выскочил второй такой же зверёк, и уже две пары глаз смотрели с ожиданием на Гошку.

«Думают, что я пришёл их кормить, а у меня ничего нет, чтобы дать им, – огорчился Гошка. – В следующий раз захвачу. А что они едят? И вообще, кто это? – Он порылся в памяти и решил, что это, наверное, соболи. – А может быть, куницы. А может быть, норки. Или хорьки... У Наташки дома живёт хорёк, похож на этих, только светлее. Спрошу у деда».

Не дождавись угощения, зверьки быстрыми прыжками, сгибая и разгибая длинное туловище, умчались обратно и исчезли в своей норе. Гошка перешёл к следующему вольеру. Он был точно такой же, как и первый, там тоже были миски в выдвигном ящике и отверстие в стенке, но оттуда никто не выглянул, и Гошка пошёл дальше.

Таких длинных домиков, разделённых на затянутые сеткой отсеки, было много. Гошка видел в них белок, лисиц, енотов, мрачного барсука, каких-то незнакомых ему зверей. Ещё были большие, высокие вольеры с птицами, загон с навесом, где жили лани и лоси, и много ещё кто. В одном сидела рысь. Она так поглядела на Гошку своими глазищами, что он попятился и поскорее отошёл от вольера.

Побывал он и у озера. Там были целые поля, отгороженные сеткой на вбитых в дно кольях. Зачем? Может, чтобы экспериментальная рыба не уплыла? Гошка и об этом решил обязательно спросить у деда.

В одном из больших вольеров жил волк. Он лежал недалеко от сетчатой стенки и глядел на лес. Когда Гошка остановился, волк посмотрел на него и опять стал глядеть вдаль. В глазах его была тоска. Гошка долго смотрел на него и вдруг неожиданно для самого себя произнёс:

– Как тебя зовут? – и устыдился.

Зачем спросил? Ведь это не сказочный волк, который говорит человеческим голосом. Он даже не смотрит в его, Гошкину, сторону.

Но волк вдруг повернул к нему голову, поднялся, подошёл вплотную к сетке и посмотрел Гошке прямо в глаза. Некоторое время они смотрели друг на друга. Гошка, забыв дедов наказ, просунул сквозь сетку пальцы. Волк понюхал их и лизнул. Потом вернулся на прежнее место, лёг и опять стал смотреть вдаль. Тёплая волна прошла по Гошкиному сердцу. Он наклонился к сетке и стал рассказывать волку, что он внук директора Биостанции, что приехал сюда потому, что его папа и мама, учёные-биологи, уехали на всё лето в джунгли за редкими растениями, что он перешёл в шестой класс и тоже хочет стать биологом. Волк повернул к нему одно ухо, потом и голову и стал на Гошку смотреть. Гошка обрадовался: волк явно слушал его.

– Егор! – услышал Гошка голос тёти Тони. – Иди скорей, дед пришёл, обедать будем.

Гошка оглянулся, быстро сказал волку:

– Извини, зовут обедать. Я к тебе ещё обязательно приду, – и убежал.

За обедом Гошка, переполненный впечатлениями, торопливо хлебал очень вкусный суп и рассказывал деду, каких зверей он повидал и что при этом думал. Дед слушал с довольным видом и время от времени переглядывался с улыбающейся тётей Тоней.

– Кто понравился больше всех? – спросил дед, когда Гошка, отдуваясь, положил наконец ложку.

– Волк, – сразу ответил Гошка. – Он очень умный, с ним интересно разговаривать. Он внимательно слушает и всё понимает, что я ему говорю. Не то что остальные звери: они только смотрят на руки, принёс ли я им что-нибудь, и сразу убегают, когда ничего съедобного не видят. Даже лиса подошла, посмотрела мне в глаза, потом на руки, вздохнула и пошла прочь.

– Так-таки вздохнула? – весело спросил дед.

Тётя Тоня засмеялась.

– Ну, может, и не вздохнула, но так посмотрела, как будто вздохнула. Дед, а можно, я буду приносить им что-нибудь вкусное? Чтобы они ко мне хорошо относились.

– Нет, Егор, нельзя. Мы ведь их исследуем, кормим определённой пищей, следим за тем, как её состав влияет на функции организма, на особенности их поведения и многое другое. Сейчас из-за изменений климата меняется кормовая база животных, а значит, и условия их жизни. Иначе говоря, исчезает обычная еда, а к новой они не привыкли. Это может привести даже к исчезновению многих видов зверей и птиц, и мы должны знать, как уберечь их. Если ты будешь давать им неизвестный корм, может нарушиться система исследования. А вот помогать нашим сотрудникам их кормить – это можно. У нас здесь летом всегда бывают дети сотрудников. Некоторые выбирают себе любимца из зверей и помогают ухаживать за ним, но обязательно вместе со взрослым. Ты выбери себе одного кого-нибудь для начала, попробуй, а там посмотрим. Кого выберешь?

– Волка! – выдохнул Гошка. – А можно, я придумаю ему имя?

– Это не волк, а волчица. И имя у неё есть: Донна. Тоня придумала, и мы все согласились. Донна – аристократка. Ведёт себя так, будто Институт благородных девиц в дореволюционном Петербурге окончила. На еду не набрасывается, как все остальные, ест аккуратно, вокруг миски ничего не раскидывает. Спокойна. Процедуры, анализы переносит терпеливо. Не любит, когда её разглядывают, уходит в дом. Удивительно, что от тебя она не ушла. Видимо, ты ей чем-то приглянулся. Поспишь после обеда?

– Не-е, я же не маленький. Я к волку, то есть к волчице побегу, я ей обещал.

– Я тоже не маленький, но посплю. Встал рано и вечером дома с новыми данными ещё поработаю. А ты беги. Сейчас Василий дежурит у хищников. Когда он будет кормить Донну, можешь помочь. Скажешь ему, что я разрешил. Ну, пока.

Волчицы в вольере не было. Гошка сел на песок у клетки и стал ждать. Солнце палило вовсю, но с озера тянул прохладный ветерок, и жару можно было терпеть. Но вот волчица появилась из своего домика и легла посреди вольера, где уже была тень.

– Вот я и пришёл, – радостно объявил Гошка. – Как обещал. Я буду помогать вас кормить. А когда у вас обед? Я уже пообедал.

Уши её были повёрнуты в сторону Гошки, но смотрела она в другую сторону. Гошка понимал, что она его слушает, но всё равно огорчился. Вдруг из-за угла, куда смотрела волчица, появился молодой мужик с тележкой, на которой горкой стояли миски с едой. «Василий», – понял Гошка и побежал к нему. В клетках царило нетерпение, звери собирались у сетки, суетились, прыгали, кричали, но волчица всё так же спокойно и достойно лежала в своём вольере, хотя она, наверное, как и все, хотела есть.

«Действительно Донна», – подумал Гошка и закричал:

– Дядя Василий, можно, я буду вам помогать, мне дед разрешил!

Василий уже стоял возле вольера соболей. Он поднял голову, оценивающе поглядел на Гошку, почесал в затылке, подумал и сказал Гошке:

– Вытащи ящик, достань пустые миски, поставь в ящик эти, с едой и чистой водой. Грязные оставь возле клетки, на обратном пути заберу. Ящик задвинь и беги ко мне. Я пока дам еду следующим постояльцам. Так и накормим всех, будет вдвое быстрее. Немалая помощь.

– А волчице Донне можно, я сам дам поесть?

Василий с интересом посмотрел на Гошку:

– Что, парень, выделил её для себя из всех?

Гошка смутился:

– Она будто понимает, что я говорю.

– Вот и мне иногда кажется, что она понимает куда больше, чем полагается зверю. Даже волку, хотя они очень умны. Ну что ж, достойный выбор.

Когда Гошка менял волчице миски, она встала, подошла к сетке и снова посмотрела ему в глаза.

– Ешь, – сказал Гошка, – это, наверное, вкусно.

Волчица опустила голову и стала осторожно брать куски чем-то посыпанного мяса, глотала и время от времени поглядывала на Гошку. Василий с удивлением смотрел на неё.

– Надо же, – сказал он. – Ест при тебе. Обычно она дожидается, когда раздатчик уйдёт, и только тогда начинает есть. Если кто во время еды подойдёт, клыки показывает или просто уходит. А тебе доверяет. Что-то она в тебе нашла. Ну вот, всего две клетки остались, их обитателей я сам обслуживаю, а ты возле неё посиди, если хочешь.

Гошка благодарно кивнул ему.

Гошка ещё долго сидел возле волчицы и рассказывал о своих делах. Про Наташку, с которой он дружит, хотя она и воображала, но, в общем, хорошая девчонка. Про Федьку-гада, который сам хочет дружить с Наташкой и грозит надавать Гошке, но всё никак не решается, потому что Гошка стал ходить на самбо. Про нытика Юрика, который любит менять какую-нибудь дрянь на хорошую, полезную вещь и начинает ныть: «Давай поменяемся, ну, давай, ну, пожалуйста...» Так надоест, что поменяешься, лишь бы он отстал... Про математичку, которая выгнала Гошку из класса ни за что. Сосед по парте, Виталик, уронил соплю на парту, а тут училка идёт. Виталька испугался и поскорее шлёп на соплю тетрадку с контрольной, а училка как раз эти тетрадки и собирала, взяла Виталькину, а за ней сопля тянется. Она вытаращила глаза и как закричит: «Это что такое?» А Виталька: «Ва... Ва... Это само...» Тут Гошка стал так хохотать, что даже слёзы потекли. Училка кричит: «Прекрати сейчас же!» А Гошка не может. Она и выгнала его и приказала привести родителей. Папа грозно спросил: «Что натворил?!» Гошка рассказал, а папа ка-а-к захохочет и тоже не может остановиться. А когда успокоился, сказал, что этот случай хорошо бы запостить в интернете в «Одноклассниках». И попросил, чтобы в школу ходила мама, а то он и там начнёт хохотать, не удержится...

За ужином дед спросил:

– Василий сказал, что Донна к тебе очень расположилась. Даже есть при тебе стала. Нас всех она только терпит. Как тебе это удалось?

– Не знаю, деда. Я как её утром увидел, так она мне сразу очень понравилась, и я стал с ней разговаривать. А она слушала. И после обеда разговаривал, а она слушала. А почему – не знаю.

– А давай-ка поставим маленький эксперимент. После ужина ты подойдёшь к её клетке, а я встану в сторонке и под ветром, так, чтобы она меня не видела и унюхать не могла. Если она опять станет тебя слушать, я через какое-то время подойду, и посмотрим, как она себя поведёт.

Когда Гошка подошёл к клетке, волчицы в ней не было. Гошка сел возле сетки, стал ждать. Минуты через две волчица появилась из своего дома, подошла к сетке и села напротив его.

– Добрый вечер, – поздоровался Гошка. – Хочешь, я расскажу, как мы с папой ходили в цирк. Там были дрессированные звери. Ой, они такое делали...

Гошка рассказывал, волчица слушала. Вдруг она отвела глаза, встала и пошла в свой дом. Гошка оглянулся – за его спиной стоял дед. Обычно прищуренные его глаза были широко открыты.

– Очень интересно, – сказал он. – Она почему-то сразу выбрала тебя. Ты ведь даже не кормил её. Еду в это время не приносят, значит, она вышла именно к тебе. Непонятно. Надо будет понаблюдать за ней, но осторожно, конечно. И в литературе поищу, может быть, найду

что-нибудь полезное. А ты записывай свои впечатления от общения, они могут очень даже пригодиться для дела. Жаль, планшет твой из дома не захватили. Ну ничего, в блокнот будешь записывать, а то совсем разучитесь писать от руки, компьютерное поколение. И не радуйся. Это работа, и непростая. Но полезная. Ладно, пошли домой, скоро спать.

Прошло три дня. Гошка с утра приходил к волчице, она ждала его, лёжа у сетки. Он садился и рассказывал о своей жизни, что повидал, о чём подумал. Волчица, естественно, не отвечала, но Гошке это не мешало. Он даже советовался с ней, и ему казалось, что после этого у него в голове возникало правильное решение. Вместе с Василием он разносил зверям обед. Василий посоветовал, чтобы он всё же уходил, когда волчица ест: волки не любят, когда за ними наблюдают в это время. Гошка послушался, и ему даже показалось, что волчица и вправду оценила такую его деликатность.

Каждый вечер дома он записывал в выданном ему дедом блокноте, о чём говорил с Донной, что она делала в это время: лежала, сидела, настораживала уши, спала, уходила в дом и так далее. Одинаково или по-разному слушала, когда он говорил о событиях и людях, о знакомых ей и незнакомых... Дед внимательно перечитывал его записи: хмурился, улыбался, поднимал на него глаза. Гошка следил за его реакцией и волновался. Иногда дед что-то выписывал из Гошкиных заметок в свои тетради, и Гошка в таких случаях испытывал прилив гордости.

Гошка спросил у деда, нашёл ли он объяснение, почему волчица стала дружить с ним. Дед ответил, что да, такие случаи бывали, но ни разу не наблюдалось так быстро возникшей дружбы. Обычно дружба возникает, если волк попал к человеку раненым, больным или волчонок. И ещё дед посоветовал не проводить с ней так много времени: привыкнет, а когда Гошка уедет, станет переживать. Лучше ограничить их общение часом-двумя в день. И вообще, не может же он все свои каникулы просидеть возле клетки. Скоро приедут три семьи сотрудников с детьми, и у Гошки появятся другие дела и интересы. Гошка вздохнул: деду виднее. Он сказал волчице, что должен помогать деду в других его научных исследованиях, и поэтому видеться они будут реже. Волчица никак не отреагировала. Гошка решил, что она всё поняла.

В этот день Гошка, как обычно, разговаривал с волчицей, а она лежала, положив голову на лапы, и вдруг подняла её и посмотрела мимо Гошки. Он оглянулся: позади стояла девчонка в шортах и майке, с крестиком на тонкой цепочке на шее и с интересом смотрела на Гошку. Других украшений, даже серёжек в ушах, которые Гошка у девочек не любил, у неё не было.

«Ничего такая из себя, – оценил Гошка. – Не хуже Наташки. Приехала с родителями из отпуска? Тоже будет кормить зверей, или родители дадут ей какую-нибудь другую работу? Научную. Смотреть в микроскоп на каких-нибудь блох или микробов...»

– Привет, – сказала девчонка. – Новенький? Ты кто? Ой! Да ты похож на директора, Павла Петровича! Ты его сын?

Гошка встал.

– Ты что, какой сын?! Я его внук.

– Ах, да. А как тебя зовут? Где живёшь? Как учишься? Кем хочешь стать? Звероводом, этологом, ветеринаром? Я хочу стать орнитологом. У меня дома два попугая, и ещё я кормлю из окна ворон, а на прогулке голубей. Голуби глупые, а вороны очень умные, с ними даже разговаривать можно... Во-он там, ближе к озеру, большие вольеры с птицами, самыми разными. Даже глухари есть, клесты, а ещё коршуны, совы и много-много других. А на озере есть безвольерные птицы – лебеди, журавли, гуси, утки самые разные... Они сами по себе, живут и улетают-прилетают, когда хотят. Их изучают, чтобы узнать, какие растения нужно будет разводить здесь, когда из-за потепления климата привычный им корм исчезнет. Вот клесты, например, семенами из шишек питаются. А если ёлки, сосны, кедры вымрут? Чем их здесь заменить? А ты в какой класс перешёл? Я в шестой, учусь хорошо...

У Гошки голова пошла кругом.

– Стой! – крикнул он.

Девчонка смолкла.

– Что такое этологи, орнитологи, кто такие клесты? И вообще, ты кто и как тебя зовут?

Девчонка помотала головой:

– Увлелась. Ты ведь новенький, совсем неграмотный. Орнитологи – это те, которые изучают птиц. Мои родители орнитологи. Этологи изучают психологию животных, ну, как животные думают. Твой дед – этолог. Клест – птица, он вылушивает семена из шишек. Сам ест и птенцов кормит. У него для этого даже клюв кривой на две стороны. Семена такие жирные и питательные, что его птенцы выводятся зимой в самые морозы и голые не мёрзнут. Вот. А зовут меня Татьяна. Можешь звать меня Таня. И никогда не называй меня Танюха или Тата, не надо.

– А я Георгий. Меня можно называть Егор. И пожалуйста, не называй меня Гогой, Жорой и даже Гошей. Ладно? А мои родители – геоботаники, они ищут разные, ещё неизвестные и полезные растения по всему свету и их исследуют. Этим летом они в Бразилии. Может быть, найдут и такие, которыми будут кормить наших зверей и птиц, если пропадёт привычный для них корм. Ты ведь так сказала?

– Да. Договорились. Имя Егор мне нравится. Ты что возле Донны делаешь?

– Я помогаю Василию кормить зверей, а Донну кормлю обязательно сам. Ну, и сижу возле неё, разговариваю с ней, чтобы ей скучно не было.

– И что, она ест при тебе и слушает, когда чего-нибудь говоришь?

Гошка покраснел:

– Да. А что, это смешно?

– Нет, конечно! Это здорово! А я здесь ухаживаю за совами и тоже разговариваю с ними, и они слушают. А Кешка и Венька говорят, что я сама становлюсь похожа на сову и скоро в неё совсем превращусь. Сами они ни за кем не ухаживают. Это дело, видите ли, не для них, у них в жизни другое назначение. Венька хочет стать банкиром, а Кешка – генералом. Они скоро приедут.

– Кешка? Ух ты. Это имя такое? Или прозвище? Никогда не слышал. Кеша – это от кэш? «Наличные деньги» на английском? Как в рекламе говорят: «Возврат кэшем».

– Нет. Кеша – это от Иннокентий. Был актёр с таким именем. Кешкина мамаша хотела, чтобы и он стал актёром, и так его назвала. Он говорит, что будет командовать людьми. А Венька говорит, что он будет управлять деньгами, а значит, и людьми. И военными тоже. Кешка кричит, что военные у любого банкира все деньги отберут, если захотят. Из-за этого они ругаются, руками размахивают. Как маленькие, честное слово. А в результате в их делах Кешка громко командует, а Венька тихо управляет. Всё равно всеми Бог правит, так бабушка говорила.

– Ты веришь в Бога? Вот и крестик носишь.

– Не очень. Я несколько раз просила у него, чтобы помог в важных делах. Не помог.

– В каких делах?

– Чтобы бабушка не умерла. Чтобы к доске в этот день не вызвали. Чтобы он показался мне, какой он есть, хоть на минуточку. Не-а. А Донна тебя слушает?

– Слушает. А где она? Эх, ушла к себе. Жаль...

– Она людей не любит.

– Я ей про тебя расскажу, она тебя тоже станет слушать. А сейчас давай пойдём к твоим совам. Они в меня когтями не вцепятся?

– Что ты, они добрые. И ты ведь не мышь.

Птицы оказались интересными. Особенно после Таниных рассказов о них. Гошка прямо заслушался. У них, оказывается, самый бесшумный полёт из всех птиц на свете. У них уши,

правое и левое, на разной высоте, и поэтому они могут определить точное расстояние до мыши, которая шуршит под снегом. И видят они ночью просто замечательно!

– Вот бы стать ненадолго совой, тихо и мягко лететь над землёй и всё-всё видеть и слышать, как совы, – закончила свой рассказ Таня.

Совы, четыре штуки, были очень симпатичными. Когда Гошка с Таней вошли в вольер, они тут же к ним слетелись, а две даже сели Тане на плечи. А на Гошку не сели. Но общаться с птицами, как, например, с Донной, ему не хотелось, да и, наверное, это было невозможно.

Гошка сказал об этом Тане, но она не согласилась. С воронами, например, вполне можно разговаривать, они всё понимают. И благодарят за то, что их кормят: приносят иногда мелкие вещицы в подарок – яркие бумажки, пуговицы, даже монетки. А одна ворона даже принесла ей маленькую серебряную ложечку и положила на подоконник. Украла где-то. Гошка сказал, что Таня скупщица краденого. Она сначала засверкала глазами, но потом рассмеялась.

За разговорами они подошли к озеру. Оно было большое: дальний берег едва виден. Гошка с Таней спустились к воде. Недалеко от берега свободно плавали лебеди. А журавлей не было, и Таня сказала, что они сейчас кормятся на болотах в лесу, а на озеро вернуться к ночи.

Сзади хрипловато гавкнули. Гошка оглянулся и увидел Фагота, он стоял и смотрел на него. Гошка даже не заметил, что спросил у него, как у человека: «В чём дело?» Фагот гавкнул снова, повернулся и медленно пошёл, оглядываясь, к жилым домам. Явно звал Гошку идти за ним. Таня догадалась первая:

– Не иначе как тётя Тоня его послала тебя найти. Зовёт ужинать, или ты зачем-то понадобился.

– Ужин! – спохватился Гошка. – Дед, наверное, уже пришёл. Побегу. Спасибо тебе. Завтра увидимся?

– Ага. Я тоже домой, только загляну на минутку к своим совам.

На следующий день была уборка клеток. Гошка разговаривал с Донной, когда пришёл Василий. Он попросил Гошку уйти, и почти сразу Донна вернулась в свой дом. Василий зашёл сбоку от клетки и оттуда задвинул дверцу дома, так что волчица не могла выйти из него, потом снял замок, открыл сетчатую дверь, и они с Гошкой быстро вычистили и вымыли всю клетку.

– Молодец, – похвалил Василий. – Дома тоже помогаешь?

Гошка сделал вид, что не услышал вопроса. Дома он маме не помогал.

– А у неё в доме как убирают? – спросил он.

– Так же. Во время обеда, когда волчица выходит из домика в клетку, за ней закрывают выход, открывают наружную дверцу в домик позади клетки и всё внутри чистят. Она не любит нашу уборку: пол остаётся мокрым. Ну что, пойдёшь или её дождёшься, поговорить?

– Подожду.

Василий вытащил задвижку и ушёл, а Гошка стал ждать, когда волчица выйдет. День был жаркий, пол в клетке быстро высохал. Наконец волчица вышла из своего дома-логова и, осторожно обходя мокрые пятна на полу, подошла к Гошке и села.

– Привет, – сказал Гошка. – Хочешь, ещё расскажу про Наташку? Как Федька хотел с ней дружить. И дарил ей всякие подарки, а она не брала, потому что дружила со мной.

Волчица легла, положила голову на лапы и стала слушать. Через некоторое время она вдруг подняла голову и стала глядеть мимо Гошки. Он оглянулся. Недалеко от клетки стояла Таня и смотрела на них с Донной, но не подходила ближе.

«Молодец, – подумал Гошка. – Всё понимает».

Он повернулся к волчице:

– Донна, а можно она тоже посидит с нами? Она правильная девчонка. Умная. Совы её любят. Можно? Таня, подходи, только медленно...

Таня сделала несколько шагов и села на траву. Донна снова опустила голову на лапы. Гошка перестал рассказывать про Наташку и стал описывать бассейн, в который отец его, ещё пятилетнего, отвёл учиться плавать.

– А я не умею плавать, – сказала Таня.

Донна подняла голову и снова опустила на лапы.

– Совсем не умеешь? – изумился Гошка.

– Я воды боюсь. Как до шеи дойдёт, я сразу выскакиваю. Меня папа здесь, на озере, на руках в воду вносил и со мной приседал, а я зажмуривалась и вся замирала. Как только вода мне до шеи доходила, я такой визг поднимала, что он сразу на берег со мной выбегал.

Гошка вскочил. Волчица тоже встала.

– Я тебя научу. В бассейне в нашей малышовой группе была одна такая девчонка. Тренер в фойе, ну, там, где нас родные ждали, которые в бассейн нас приводили, её бабушке объяснял, что надо делать дома, чтобы приучить к воде, а я услышал. Надо налить тёплой воды в таз, велеть ей опустить лицо в воду и выдуть воздух. И так много раз. И чтобы сначала держалась руками за края таза. А потом чтобы уже не держалась. И так три раза в день. Когда она через неделю пришла, сразу научилась в воде присесть с головой и не боялась.

– Но ведь я... – начала Таня.

– Да нет, – перебил её Гошка. – Всё равно получится...

Рассказывая, Гошка приседал, размахивал руками, вдыхал и выдыхал воздух. Волчица вскочила и вместе с Таней смотрела на него. И как-то незаметно получилось, что Таня и Гошка вместе оказались возле клетки, размахивали руками, спорили, а волчица с интересом наблюдала за ними.

Гошка опомнился первый.

– Танька, смотри. Донна с нами обоими. Не ушла. Ура!

Таня оглянулась.

Волчица уже лежала и смотрела на неё и не собиралась уходить.

– Ой! Она и меня признала. Как хорошо. А мои совы тебя сразу не боялись. Я сейчас дома попробую опускать лицо в таз, а после обеда пойдём на озеро?

– Пойдём.

– Только я купаться не буду. Боюсь. На озере дно хорошее, песчаное только там, где речка впадает. Река песок нанесла. А в остальных местах дно очень илистое, ноги сразу тонут по колено, вылезает такая черноногая. Дальше начинаются водоросли, густые, длинные... Можно запутаться. Зато где речка впадает, вода в озере очень холодная.

– Ты сама совсем не купаешься? Только у папы на руках?

– Ну что ты. В моём возрасте – и у папы на руках! Я захожу в воду по пояс и сразу выскакиваю. Но всё равно пойдём. Ты, если захочешь, поплаваешь, а я посмотрю. Но лучше не надо. Опасно, даже если ты хорошо плаваешь.

Гошка не поверил. За обедом он сказал деду, что хочет искупаться в озере.

– Можно мне взять какое-нибудь полотенце, чтобы вытереться? Таня сказала, что хорошее дно только, где речка впадает, но вода от неё очень холодная. Почему?

– Наверное, где-то поблизости в неё впадают донные родники. А почему они такие холодные, мы не знаем. Геологи сказали, что на глубине вечная мерзлота и родники оттуда. А купаться вам одним, без взрослых, не надо. Не разрешаю. В выходные вместе пойдём на озеро. Там вода тёплая, мостки сделаны. Идёшь по деревянной дорожке на сваях до глубины и там спускаешься по лесенке прямо в чистую воду. И водоросли тебя не достают. Там весь наш народ плавает. Специально сделали, чтобы в иле не пачкаться.

– А Таню возьмём с собой? Только она плавать не умеет.

– Наденем на неё надувной круг, и в нём поплывёт, если захочет. А сегодня не надо. Обещаешь? И возьми у Тони поролоновый коврик, на нём полежишь, позагораешь. Не пере-лежи только. Солнце сильное, на прохладном ветерке от речки не заметишь, как обгоришь. Там кусты рядом, возле них и расположитесь в тени. И телефон свой возьми, так, на всякий случай. Сегодня связь хорошая.

Гошка и Таня лежали на просторном коврике и молчали. Было так спокойно, так хорошо, так лениво, что даже не хотелось говорить. Только жарко. Прохлада от речки, когда лежишь, почти не чувствовалась. Таня встала, сняла косынку, собрала волосы узлом и стала закалывать их на затылке.

«Красивая, – думал Гоша. – Не хуже Наташки... Но Наташка бы сейчас себя всю пока-зывала и глазом на меня косила: восхищаюсь ли я ею. А Танька про такое даже и не думает. И про наряды ещё ни разу ничего не сказала. И сколько про зверей и птиц знает. Увлечённая. А почему с Наташкой неинтересно, когда она болтает, а с Таней интересно, даже когда она молчит?»

Ему вдруг очень захотелось сфотографировать Таню – прямую, тонкую, с поднятыми руками. Он достал телефон, щёлкнул и полюбовался снимком. Таня оглянулась, глаза у неё расширились и потемнели.

– Не надо, – сказала она тихо.

– Почему? – удивился Гошка.

Таня долго молчала. Гошка замер в ожидании.

– Бабушка говорила, это плохая примета, – сказала она наконец. – К скорому расставанию. Сотри, пожалуйста. И не снимай меня больше.

– Но ведь все друг друга фотографируют и не расстаются...

– Не надо, – повторила Таня, не отводя от него ставших почти чёрными глаз.

Гошка понял, что отказывать Тане в этой её просьбе нельзя. Он кивнул, ещё раз поглядел на снимок и вдруг почувствовал, что очень не хочет с ним расстаться. Он сделал вид, что стёр его, и спрятал телефон. Таня вздохнула, легла на коврик.

– Ты не хочешь, чтобы мы с тобой расстались? – спросил Гошка осторожно.

Таня улыбнулась:

– Не хочу, чтобы ты уехал. С тобой интересно разговаривать, и слушать ты умеешь. И дело себе сразу нашёл – вон, за Донной ухаживаешь... И не надуваешься, ничего из себя не изображаешь. А уедешь – опять всё лето придётся только с Кешкой и Венькой общаться. Дел у них нет, друг с другом скучно, вот они и пристают ко мне для развлечения. Мешают работать, глупости говорят, гогочут дурацкими голосами и смотрят: ну как? Противные они. Брр!

Гошка подумал, что хотел бы услышать немного другой ответ, удивился этому, опустил голову на руки и затих. И вдруг неожиданно для самого себя сказал:

– Дед говорил, что к Биостанции приходит ночами большой волчище. Он считает, что это муж Донны. Ведь волки женятся один раз на всю жизнь.

– И некоторые птицы тоже, – подхватила Таня. – Альбатросы например, лебеди. И люди так должны. Я когда выйду замуж, то на всю жизнь. А ты?

– Не знаю, – не сразу ответил Гошка. – Никогда не думал об этом.

С высокого берега посыпались мелкие камушки. Гошка поднял голову. К ним неторопливо спускался большой чёрный пёс.

– Ты Гобой или Фагот? – спросил Гошка.

Пёс хрипловато гавкнул и улёгся в тени недалеко от них, раскрыв пасть и часто дыша.

Таня подняла голову.

– Фагот, – сказала она со вздохом. – На него даже смотреть тяжело. Каково ему в такой шубе сейчас... А чего это он сюда пришёл? Он обычно возле тёти Тони находится, когда она на работе. Лежит где-нибудь в тени или где есть кондиционер. Егор, намочи мою косынку и выжми на него, может, ему станет чуть легче.

Гошка поднялся, взял косынку и пошёл к озеру. Пёс тут же пошёл за ним. Не успел Гошка наклониться к воде, как пёс оказался перед ним и стал оттеснять его обратно.

– Ты что! – изумился Гошка.

– Всё ясно, – услышал он Танин голос. – Он ведь из той породы, которая охраняет детей на пляжах, вытаскивает из воды, когда они плавают, и всё такое. Ой, Егор, а не тётя ли Тоня прислала его проследить, чтобы мы не стали тайком купаться? Ну-у, тогда нам к воде не подойти.

Гошка стоял с косынкой, не зная, что делать, и вдруг осенило. Он свернул косынку клубком и кинул в воду.

– Принеси, – скомандовал он псу.

Фагот послушно скакнул в воду и вернулся с мокрой косынкой. Шерсть на ногах и на брюхе была мокрой. Гошка взял из его пасти косынку даже не холодную, а просто ледяную, будто из холодильника, и вдруг ощутил, какое облегчение испытал пёс в воде. Гошка вернулся к Тане и приложил косынку к её спине. Таня взвизгнула, вскочила и засмеялась, взяла косынку и стала обтирать лицо, шею, руки, ноги... Выжала косынку на купальник. Гошка с трудом отвёл от неё взгляд.

Пёс уже опять стоял в воде и пил. Гошка снова кинул ему косынку, пёс принёс её ему, и Гошка с наслаждением обтёрся сам. Пёс подошёл к Гошке и отряхнулся, обдав его холодными брызгами, будто решил поделиться с ним прохладой. Гошка аж зажмурился от удовольствия, чуть постоял и упал на коврик рядом с Таней. Пёс улёгся с другой стороны. Таня медленно гладила его, запутываясь пальцами в мокрой прохладной шерсти. Было хорошо.

Вдруг пёс поднял голову и стал глядеть на высокий берег. Гошка проследил за его взглядом. Наверху стояли двое мальчишек, вроде бы его возраста. Посыпались камешки – мальчишки спускались к ним. Подняла голову и Таня.

– А вот и Кешка с Венькой приехали, Генерал и Банкир, – негромко сказала она. – Я тебе говорила. Ну, теперь покоя не будет.

– Почему? – удивился Гошка.

Таня не ответила. Мальчишки подошли к ним и уставились на Гошку. Он встал.

Один был чуть выше Гошки, худой, с торчащими волосами и недовольной бледной физиономией. На шее жёлтая цепь. Он сразу и сильно не понравился Гошке. Второй пониже, толстоватый, румянёный, с улыбочкой и быстрыми прищуренными глазками на круглой, как мяч, морде, тоже не вызывал большой симпатии.

«Тощий – Генерал, толстый – Банкир», – подумал Гошка. Мальчишки молча разглядывали его, молчал и Гошка.

Наконец Генерал подал голос:

– Ты кто такой? Чей? Откуда взялся? Здесь чего делаешь?

Голос был писклявый, резкий. Неприятный, как и сам мальчишка, и совсем не генеральский. Гошка даже усомнился, правильно ли он угадал, кто из них кто.

– А ты кто? – спросил он.

– Я первый спросил. Отвечай. Мы здесь живём, а ты приезжий.

Гошка молчал.

– Он внук Павла Петровича, приехал из Москвы, – ответила за него Таня.

– Я не тебя спросил. С тобой разговор ещё будет. Как увидела москвича, сразу старую дружбу забыла...

Таня стала медленно краснеть. Щёки, шея, лоб...

«Ух ты, – подумал Гошка. – Неужели так застыдилась?» Увидел её сузившиеся глаза и понял, что покраснела она от злости. Даже не от злости, а от гнева.

– У нас с тобой дружба, оказывается? Это ты ко мне перескочил, когда Сонька в другую школу перешла, и место возле меня освободилось, а Нинка Фигалина перестала давать тебе списывать. Надоело ей, что ты всё время шею свою длинную через её плечо тянешь и шипишь: «Убери руку, не видно... Подвинь тетрадку поближе...» Надо было и мне тебя прогнать, да мамаша твоя после родительского уж очень просила классную: «Он очень способный мальчик, но ему надо развивать внимание. Пусть Журавлёва помогает ему! Фигалина отказывается». Вот Ольга тебя и пересадила ко мне, способный ты наш. Друг он! А помнишь, ты горшок с бегонией разбил, по всему полу грязь развёз и свалил на меня?! Ольга оставила нас с тобой класс убирать, а Филька и Сенька из «В» явились деньги отбирать. Так ты боком, боком и исчез. Я одна от них грязной тряпкой отбивалась. Хорошо, мимо шли десятиклассники, мой крик услышали и надавали им. Они теперь за километр меня обходят.

Гошка засмеялся. Банкир ехидно улыбнулся и отвернулся, пряча улыбку. Генерал побледнел ещё больше, поднял руки и шагнул к Тане.

– Да я тебя... – начал он.

– Стой, где стоишь, – негромко сказал Гошка. – И ручонки в карманы спрячь, чтобы зря не болтались.

После такого оскорбления должна начаться драка. Драться при Тане Гошке не хотелось, противное это зрелище, но смолчать было нельзя. Таня могла перестать его уважать, а он себя – тем более. Вообще-то он почти не сомневался, что в драку эти двое не полезут. Дома, в Москве, ему приходилось драться, и на тренировках по самбо он научился чувствовать, когда противник собирается напасть всерьёз, а когда только пугает.

Генерал открыл рот, захлопнул его, снова открыл, не зная, что делать, оглянулся на Банкира, и тот пришёл ему на помощь:

– Кеша, не забудь, это внук директора, потому он такой храбрый. Знает, что мы не станем его бить, потому что он нажалуется деду-директору и у наших родителей будут неприятности.

Гошка аж онемел от такого подлого обвинения. Уже себя не помня, он двинулся на них, и вдруг перед ним оказался Фагот. Глядя на мальчишек, он стал теснить Гошку назад, как тогда от воды. И Гошка опомнился: кинешься на них, заявят, что он полез, понимая, что ему не ответят. Ну, гад хитрый... И тут раздался смех – смеялась Таня:

– Ну, вот и познакомились. Егор, нам к зверям пора. Это им делать нечего, а у нас работа. А вы сюда купаться пришли?

– Не-е, – нормально, по-человечески, ответил Банкир. – Зачем спрашиваешь? Ты же знаешь, здесь вода ледяная, купаться нельзя, руки-ноги отнимаются, и течение в озеро уносит. Мы тебя искали. Ладно, давай знакомиться. Я – Вениамин, Веня, он – Иннокентий, Кеша. А ты – Егор. А дома тебя как зовут?

Он протянул руку.

– Я Георгий. Дома зовут Егор, – ответил Гошка и нехотя пожал раскрытую ладонь.

– Георгий – значит, Жорик или Гогочка, – вступил в разговор Генерал Кеша.

Гошку передёрнуло, но он сдержался. Покажешь, что не нравится, начнут специально так звать. Сталкивался уже с этим...

– Егор, – повторил он и сжал кулаки.

Банкир Венька заметил это и вступил в разговор:

– Тебе не нравится, когда тебя так зовут? Не будем. А почему не купаетесь?

– Сам сказал только что. И дед меня предупредил, что место опасное: течение и вода холодная.

– Ну и что, если холодная. – Генерал Кеша явно нарывался на скандал. – Мы, сибиряки, холода не боимся. Это вы, москвичи, из дома в метро, из метро на автобус и в другой дом. А мы, сибиряки...

– Ну так искупайся, – ответил Гошка.

– Плавки не захватил, – буркнул Кеша.

Таня хихикнула.

– Ну, ладно, – сказала она. – Пора делами заняться. Пойдём, Егор?

Гошка кивнул, поднял вёдрышко с водой из речки для Донны, подхватил коврик и первым полез на высокий берег. Таня и пёс пошли за ним. Будущие генерал и банкир смотрели им вслед.

– Егор, – спросила Таня, когда они поднялись наверх, – а ты и вправду стал бы с ними драться, если бы они не испугались? Их ведь двое...

Гошка даже остановился и уставился на Таню:

– Как это? А если бы он захотел тебя ударить? Мне что, надо было боком, боком и исчезнуть? Как он тогда, в классе?

Таня отвела глаза и ничего не ответила.

Таня пошла разбираться со своими совами – что-то они с утра плохо ели, может быть, из-за жары. А Гошка пошёл к волчице. Её не было видно. Гошка вытащил ящик-кормушку, выплеснул нагретую мутноватую воду и налил в миску свежую, холодную, из реки. Волчица сразу вышла из дома и стала жадно пить. Гошка дважды доливал воду ей в миску. Потом она вздохнула, легла и положила голову на лапы. Клетка её в это время дня была уже в тени. Гошка уселся на коврик и стал рассказывать про встречу с этими двумя, Кешкой и Венькой:

– Жориком меня назвал! Гогой! А сам-то кто? Кекешка, Кишка! А этот, Венька-веник, блин масляный, гад хитрый! И в морду не дашь, скажут, что такой храбрый, потому что дед директор. И Танька явно не хотела, чтобы случилась драка. Интересно, она боялась, что они меня побьют вдвоём, или за них беспокоилась? Или скандала не хотела? Вообще, Донна, есть девчонки, которые любят смотреть, как мальчишки дерутся, а если из-за них – особенно. Такие – дрянь. А есть, которые вообще драк не любят, если подерёмся, сразу уходят. Наташка такая. Правда, когда её Васька толкнул нарочно, она упала и коленку разбила, а я его за это при ней об стенку треснул как следует, она потом мне спасибо сказала. Ну, это понятно. Танька, наверное, тоже такая. Если они её обидят, а я отомщу, она будет рада. Она хорошая девчонка, вот и ты её признала, мне это приятно... Ой, слушай, я сегодня сфотографировал её, а она попросила

снимок стереть. Сказала, что фотографировать – к разлуке. Смешно. Наташка, наоборот, очень любит, когда её снимают. А давай я тебя сниму...

Гошка вытащил телефон и поймал в объектив волчицу. И изумился снова: волчица вдруг вскочила и быстро ушла в дом. Гошка замер. Он спрятал телефон – волчица выглянула из дома, снова достал – она опять скрылась. Гошка положил телефон на коврик и отошёл от него. Волчица вышла и подошла к сетке.

«Чудеса! – подумал Гошка. – Что они, сговорились с Танькой? Надо будет записать в блокнот для деда».

Зазвонил телефон. Это была тётя Тоня:

– Егор, домой.

Гошка поднялся, долил волчице в миску чистой воды, попрощался и пошёл к дому.

– Тётя Тоня, это ты прислала Фагота, чтобы он не пускал меня в воду? – спросил он за ужином.

– Да.

– А почему? Я же обещал, что не буду купаться.

– Егор, я ведь ещё не знаю тебя достаточно хорошо и волнуюсь. Место там опасное, а мы с Павлом за тебя отвечаем. Я и Павла спросила, и он сказал, что ты вроде бы слово держишь, но лучше подстраховаться.

Гошка оглянулся на деда. Тот молча жевал, глаза у него были весёлые.

– Дед, ты не поверил моему слову? – спросил он.

– Поверил. Но обстоятельства иногда бывают сильнее нас. Вдруг девочка стала бы купаться и её понесло течением от берега. Ты ведь бросился бы её спасать. Или если бы мальчишки обвинили тебя в трусости, ты мог не выдержать насмешек и полезть в воду. А ты мне внук, да и перед твоими родителями я за тебя отвечаю. А так в любом случае тебя в воду не пустил бы пёс. И девочку бы не пустил... Тоня послала Фагота, и все спокойны. А как бы ты поступил на моём месте?

Гошка подумал и ткнулся деду в плечо головой.

– Завтра воскресенье, пойдёшь на мостки купаться. Там много народу будет. Если что, не дадут утонуть.

В воскресенье на большой лужайке собралось чуть ли не всё население Биостанции. Из сарая на краю поляны выносили топчаны и устраивались на них. От берега в озеро уходили широкие, основательные мостки с перилами и несколькими лестничками в воду, ближе и дальше от берега. Дед и тётя Тоня не пошли. Дед заявил, что ему встреч с сотрудниками и так хватает и он лучше отдохнёт дома. А Егорка пусть идёт и обязательно захватит рубашку, чтобы не обгореть, потому что места в тени кустов может не хватить. И попросил Василия присмотреть за Гошкой, чтобы он без него не купался. Гошка вздохнул и, зажав под мышкой коврик, пошёл один.

На поляне Гошка нашёл более или менее удобное место, развернул коврик и огляделся. Все были среди своих друзей или родных, только Гошка один. А вон там Генерал Кеша и его родичи: папаша – гора, а мамаша, как палка. Рядом с ними семейство Банкира Веньки. Его родители были обыкновенные. Наверное, дружат семьями. А вон и Василий с какой-то девушкой... Разговаривают.

«Василию не до меня, – подумал Гошка. – А где Таня? Вон она, с родителями, чего-то матери говорит, меня не ищет. Ну и ладно, пока полежу, потом пойду окунусь».

Гошка лёг на живот, голову опустил на руки и закрыл глаза.

Было хорошо. С озера тянуло прохладой, солнце светило сквозь лёгкую облачную дымку и не жгло.

«А если бы дед не взял меня сюда, а мои родители отпустили бы меня на дачу к Наташке, было бы так же хорошо? Нет, так хорошо не было бы, – вдруг чётко понял он. – А почему? Не знаю...»

Разбираться почему было лень, и Гошка стал думать о другом: «А волки загорают или, наоборот, прячутся от солнца, потому что им и так жарко летом в их густой шубе? Спрошу у деда».

В бок толкнули. Гошка поднял голову. Над ним стояли Генерал Кешка и Банкир Венька.

– А почему один, Гога? Где твой дед-директор? Не боится, что ты без него станешь купаться? Или ты и здесь в воду не пойдёшь? Ты плавать-то умеешь? – пропищал Генерал.

– Ты, я вижу, ни воды, ни еды с собой не взял, – вступил в разговор Банкир Венька.

Тон его был добрый, участливый, но почему-то ужасно раздражал.

– Захочешь пить или есть, подходи к нам, накормим, напоим...

Гошку жгло от злости. Мало того что этот гад писклявый ткнул его ногой, так ещё и разговаривает так, будто генерал со своим солдатом. Эх, дать бы ему по морде... Но – нельзя. И этот, Венька, змей ласковый: «Приходи, бедненький, подадим, так и быть, чего-нибудь из оставшегося...» Умеет ущипнуть. Что же им ответить?

Гошка встал.

– Дядя Василий, – крикнул он, – можно, я пойду искупаюсь?

Василий вскочил и подошёл к ним.

– Давай. Я постою на берегу, посмотрю. Если понадобится, помогу.

Они прошли по мосткам. Гошка осторожно слез по ступенькам в воду, подержался за перекладину, отцепился и поплыл по-собачьи, задрал голову высоко над водой, сопя и отдуваясь. Генерал насмешливо глядел на него, потом оттолкнулся, красиво прыгнул в воду, вынырнул и, сильно загрывая, сделал круг в воде и подплыл к Гошке:

– Ну как, москвич? Не утонешь? Глаза-то не таращи, вывалятся.

Гошка оглянулся. На берегу рядом с Василием стояла Таня, прижав кулачки к подбородку, и смотрела на него. В глазах её были страх и жалость.

«Меня жалеет, – весело подумал Гошка. – Забыла, наверное, что я в бассейн ходил».

Банкир Венька, склонив голову набок, с интересом глядел на них.

– Да не бойся ты, – продолжал Генерал. – Окунись с головой, может, перестанешь воды бояться и по-настоящему плавать начнёшь. Вот, смотри...

Он подплыл к Гошке и, положив руки ему на плечи, с силой вогнал его в воду. Таня вскрикнула, Василий побежал по мосткам и прыгнул в воду. Гошка привычно ушёл на глубину, развернулся под водой и, ухватив Генерала за ноги, дёрнул вниз. И с радостью увидел перед своим лицом его глаза, выпученные от изумления и страха. Генерал беспорядочно дёргал ногами, пытаясь выбраться, но Гошка цепко держал его, не давая подняться. Потом отпустил и даже подтолкнул вверх, всплыл и сам, в несколько взмахов подплыл к лесенке и вылез из воды. За ним из воды выбрался Василий. Генерал Кешка, кашляя и мотая головой, вылез вслед за ним и лёг на доски. Таня уже стояла на мостках и с изумлением глядела на Гошку. Василий улыбался.

– Ты что сделал, сволочь! – заорал, отдышавшись и придя в себя, Кешка. – Ты же меня чуть не утопил! Ты же умеешь плавать. Чего выкобенивался?! Почему не сказал?

– Извини, – огорчился Гошка. – Я испугался, когда ты стал меня топить. Очень уж неожиданно. Ухватился за что смог, а это оказался ты. Не сердись. Ты ведь сам сказал, что мне нужно только окунуться с головой и я научусь плавать. Вот я и научился.

Генерал опять закашлялся. Гошка даже почувствовал некоторое раскаяние.

«Может, не надо было его так?» – подумал он.

Генерал отдышался, встал, глаза его сузились.

– Ещё пожалеешь, Гога Московская, – тихо выдохнул он. – Здесь тебе не Москва, здесь Сибирь.

Раскаяния больше не было, прежняя злость снова вспыхнула в Гошке.

– Посмотрим, Кекешка Генеральская, – ответил он.

Венька опять отвернулся, чтобы скрыть злорадную усмешку. Таня улыбалась во весь рот и хлопала в ладоши.

– Ты почему сразу не подошёл ко мне? Идём к нам. Я маме и папе уже всё про тебя рассказала, и ты им нравишься. И то, что ты, когда пришёл, сразу не побежал к нам, тоже им понравилось. Пошли.

Василий хлопнул Гошку по плечу:

– Учился плавать? Вижу, что можно за тобой не следить. Просто будь осторожен и далеко не заплывай. Ладно?

Гошка кивнул.

Танины родители Гошке тоже сразу понравились. Они не спрашивали, кто его папа-мама, как он учится, с кем дружит и что там случилось в воде. Они просто улыбнулись, когда Таня подвела к ним Гошку, сразу налили ему стакан сока и дали бутерброд с вкусным мясом, которое оказалось копчёной олениной.

Пока он жевал, Танькина мама, Ольга Петровна, уже приготовила второй такой же, и Гошка сам не заметил, как съел и его. Он вспомнил мамины указания перед походом в гости: не набрасываться на чужую еду, будто тебя дома не кормят, есть не торопясь, локти не растопыривать, откусывать понемногу, не вести себя, как троглодит... Гошка не знал, кто такой троглодит, и на всякий случай не спрашивал: вдруг окажется, что это нечто ужасное или обидное. Он растерянно поглядел на Ольгу Петровну, а она улыбнулась и сказала, что больше всего

любит гостей, которым нравится угощение и они этого не скрывают. И Гошке сразу стало легко и свободно.

Танька всё это время с восторгом рассказывала, как Гошка уделал гадского Кешку, который хотел над ним поиздеваться. А в результате сам оказался в полном позоре. И ещё был назван Генеральской Кекешкой.

– Я когда увидела, как Егорка плывёт, решила, что он врал про бассейн. Обидно за него стало – ужас как: зачем врал? Тут Кешка его в воду с головой, р-раз – и утопил! Я от страха даже закричала, а Кешка, гад, смеётся, как гиена. И вдруг он – бульк! – и нет его, только круги расходятся. А когда всплыл, руками по воде хлопает, кашляет, головой мотает. Тут всплыл и Егорка и, как торпеда, раз, два – и у мостков. Вылез и даже дышит спокойно, будто и под водой не был. И тут я поняла, что он Кешку так заманивал и Кешка попался! Уй, как здорово! В школе всем расскажу! Великий пловец Кекешка! Будет знать. А то надувается, будто уже генерал. Жаль только, что Венька, как всегда, оказался в стороне. Скажет что-нибудь, вроде бы и ничего такого особенного, а подумаешь и поймёшь: сказал гадость.

Танькин папа, Алексей Михайлович, слушал, смеялся и время от времени говорил, что девочкам не следует употреблять такие энергичные выражения. Таня на секунду останавливалась и продолжала в том же духе.

Гошке было хорошо с ними, но он вспомнил ещё одно мамино наставление, очень важное: из гостей уходить, когда хозяевам ещё чуть-чуть не хочется тебя отпускать. Он встал, сказал: «Спасибо большое, пора домой, а то дед уже, наверное, волнуется» – и пошёл.

Таня догнала его:

– Егор, папа сейчас тихо говорил маме, но я услышала. Он сказал, что Кешка может пожаловаться отцу, а его папаша какой-то важный чиновник, и у твоего деда могут быть неприятности.

– А чего он делает здесь, этот чиновник? Такие ведь отдыхают где-нибудь за границей...

– Папа сказал, что он сначала незаметно едет за границу. А потом возвращается и всем рассказывает, что лучший отдых на родной сибирской природе. Ты скажешь деду?

Гошка задумался. Нагружать деда не хотелось. А промолчать – может быть хуже.

– А ты как считаешь?

– Наверное, лучше сказать, – неуверенно произнесла Таня.

– Скажу, – решил Гошка. – Ну, я пошёл? До завтра...

– погоди. Кешка тебя возненавидел, Егор. Ты и на речке тогда над ним верх взял и здесь перед всеми опозорил. Он теперь будет тебе устраивать всякие подлости. А придумывать эти подлости будет Венька. Я тебя буду охранять.

У Гошки потеплело в груди.

– Мы будем вместе друг друга охранять, – сказал он и побежал домой.

Ужин прошёл в молчании. Но вот дед отодвинул тарелку, взял всей ладонью свой вечерний стакан чая в подстаканнике и поднял глаза:

– Ну, как день прошёл, внук?

Гошка вдохнул, выдохнул и стал рассказывать. Дед слушал молча, нахмурив брови. Тётя Тоня сидела выпрямившись, на её лице было удивление и озабоченность.

– И Танька мне передала слова её отца, что Кешка пожалуется своему отцу и у тебя могут быть неприятности, – выпалил под конец Гошка и уставился на деда.

Дед молчал, глядя в стол. У Гошки начало сосать под ложечкой. «Не успел приехать, как напортил деду», – мелькнула мысль. Но вот дед поднял голову.

– Молодец! – сказал он и поцеловал Гошку в макушку. – Не дал этому мелкому негодяю оседлать тебя. Поставил его на место. А за меня не бойся. Биостанция подчиняется Академии наук, мы нужны чиновному отцу этого мальчишки больше, чем он нам. И место отдыха с

семьёй с даровым жильём на хороших харчах терять ему ой как не хочется. Попросился когда-то, мы пустили, терпим его, а можем и выгнать. Правильно, что ты рассказал это мне, и передай моё спасибо этой девочке Тане. Я её знаю, хороший человек. С характером. Ответственная, если что-то обещала, делает. Животных любит, и они доверяют ей. А их не обманешь. И её родители славные люди. И учёные настоящие.

Гошка перевёл дух. Тётя Тоня, видимо, тоже успокоилась, потому что начала собирать со стола посуду. Гошка вскочил и стал относить посуду на кухню.

– Тётя Тоня, – спросил он на кухне, – а дед правда не испугался или так говорит, чтобы я не переживал?

Тётя Тоня даже с каким-то удивлением посмотрела на него:

– Правда. Он вообще никого и ничего не боится. Разве что меня чуть-чуть. – И засмеялась.

И Гошка окончательно успокоился.

«А что они могут устроить мне, эти два гада: Генерал и Банкир?» – подумал он и тут же выбросил эту мысль из головы.

Гошка и Таня покормили сов. Они совсем не боялись Гошку и даже летели к нему и садились на плечи, когда он входил в вольер. Гошка каждый раз старался увернуться: всё-таки когти у них были большие и острые. Потом сходили на речку, набрали воды для Донны и пришли к её клетке. Донна вышла из своего дома, напилась и легла, как обычно, головой на лапы. А Гошка и Таня стали разговаривать, время от времени обращаясь к волчице с каким-нибудь вопросом, в ответ на который она только поводила ушами. Неожиданно волчица вскочила и глухо заворчала. Показались страшные клыки. Таня вздрогнула. Гошка оглянулся: недалеко от клетки стояли Генерал и Банкир и молча глядели на них. Таня схватила его за руку.

– Чего им надо? – тихо спросила она.

Гошка поднялся.

– Чего надо? – повторил он Танин вопрос.

– Ничего особенного, – ответил Венька-Банкир. – Просто интересно. Ведь вы с волчицей разговариваете. Как это у вас получается? А нам можно? И давайте мириться, нас здесь всего четверо, чего нам ссориться. Ну, не поняли друг друга, ну, пошутил Кеша неудачно, и ты его чуть не утопил. Простите друг друга...

Венька сделал два шага вперёд, Кешка шагнул за ним. Волчица прыгнула к сетке и рыкнула. Сетка затряслась. Кешка с Венькой мгновенно отбежали подальше.

– Чего это она? Взбесилась? – вскрикнул Венька.

– Чем-то вы ей не понравились, – ответила Таня.

– Чем это мы не понравились? – обиделся Банкир. – А вы, значит, понравились?

– Мы её кормим, она нас знает, – ответил Гошка.

– А-а, всё ясно, – подал голос Кешка. – От вас зверьём пахнет, а от нас человеком.

Таня начала медленно краснеть. «Ой, что-то она сейчас им выдаст, – испугался Гошка. – Как бы драться не пришлось!» Он схватил Таню за руку, но она выдернула её:

– Это от вас кое-чем воняет, а от нас пахнет животными. Тебе понятно?

Теперь стал краснеть Генерал Кешка. Венька быстро встал перед ним:

– Кеша, спокойно, мы пришли мириться. Ребята, давайте отойдём подальше, раз волчица не хочет. Сядем, поговорим. Ведь интереснее всем вместе... Егор, расскажешь нам, как там, в Москве? Чем занимаешься, где научился так плавать...

– В бассейне, – нехотя отозвался Гошка. – На тренировках играли в водное поло, а там во время игры тебя сто раз окунут с головой, да ещё и придержат, чтоб не сразу всплыл. Если не научишься сразу собираться, нахлебаешься.

Банкир и Генерал переглянулись.

- И сейчас занимаешься?
 - Нет. Тренер сказал, что у меня успехи, и перевёл на ежедневные тренировки, а отец не захотел, чтобы я стал профессиональным пловцом, и забрал из секции.
 - А сейчас чем-нибудь занимаешься?
 - На самбо хожу.
- Таня глядела на Гошку широко открытыми глазами.
- Ух ты! Покажи пару приёмчиков.
 - Зачем тебе?
 - Интересно.
 - Посмотри в интернете, там все приёмы увидишь. С объяснениями и названиями.
 - А сюда зачем приехал?
 - К деду в гости.
 - А родители?
 - Они летом работают.
 - Почему?
 - Работа такая. Тебе неинтересно.
 - Почему неинтересно? Интересно. А почему ты здесь не отдыхаешь, а зверей кормишь, клетки чистишь, как обязанный? Да ещё волчицу выбрал отдельно ухаживать?
 - Мне нравится.
 - И ты её совсем не боишься?
 - Не боюсь.
 - И в клетку к ней войдёшь?
 - Нет. Нельзя. И замок на двери.
 - А если отпереть?
 - Кончай болтать.
 - А вот сейчас ключ принесу и отопру! Войдёшь?
- Таня засмеялась. И тут Гошку всего пронзило: войти! Увидеть волчицу не через сетку, а просто так, рядом. Как она себя поведёт? Он понял, что не сможет удержаться, войдёт в клетку, если этот гад принесёт ключ. Он встал.
- Неси, – сказал он и оглянулся на Таню.
- Она сначала недоверчиво улыбнулась, но потом вдруг побледнела.
- Момент! – радостно вскочил на ноги Генерал. – Айн момент. – И помчался в сторону конторы.
- Гошка знал, что там, у входа, доска, на которой висят ключи от всех клеток. Он поглядел на Веньку-Банкира, глаза у того горели злым интересом. У Гошки отчаянно колотилось сердце. Генерал уже бежал обратно с большим ключом в руке и радостно-хищной улыбкой на лице.
- Ты что, всерьёз? – дрожащим голосом спросила Таня.
- Гошка промолчал.
- Не бойся, Танечка. Он ни за что не решится, даже если его попросишь ты. Это он сейчас такой храбрый, – затараторил Кешка. – У него или замок не откроется, или дела вспомнятся неотложные. Ну что, москвич? Валяй!
- Вдруг Гошке стало спокойно-спокойно. Он улыбнулся.
- Открывай, а то у меня замок не откроется...
- Улыбочки с лиц Генерала и Банкира как ветром сдуло.
- Сам открывай, – крикнул Генерал. – Неужели войдёшь? – Он кинул Гошке ключ и быстро, как обезьяна, полез на дерево, где уже сидел Банкир.
 - Я подумаю, – крикнул в ответ Гошка, подошёл к сетке и встал, глядя на волчицу.
- Она наблюдала за происходящим.

– То-то же, – сказал Генерал и спрыгнул на землю. – Ты что? – удивился Гошка. – Решил войти со мной? Он сунул ключ в скважину и повернул его. Генерал снова взлетел на ветку. Банкир на своей ветке отвернулся. Таня стояла, закрыв глаза и прижав кулачки к груди. Гошка просто физически ощущал, как ей страшно за него, за себя, ему даже плакать хотелось от благодарности ей за то, что она не кричит, не хватается за него, не бежит прочь, как эти два негодяя. Волна раскаяния охватила его: зачем он так пугает её, – но было уже поздно. Он отворил дверь клетки, вошёл внутрь и прикрыл её за собой.

Всё тело было напряжено, как струна.

«Если она оскалится, сразу выскочу, – подумал он. – Если успею», – мелькнула другая мысль, но Гошка усилием воли прогнал её.

Он стоял у двери и глядел на волчицу. Она смотрела на него, наклонив голову, как собака, которой интересно, что это происходит такое необычное, потом подошла к нему и ткнулась лбом ему в грудь. Дикое напряжение сразу оставило Гошку, ноги ослабли, он сел на пол, закрыл глаза и почувствовал, как что-то тяжёлое, тёплое привалилось к его боку.

Глаза открылись сами: волчица лежала, прижавшись к нему и положив голову на лапы. Гошка оглянулся. Таня стояла, вцепившись в сетку, и неотрывно смотрела на него огромными, потемневшими от волнения почти до черноты глазами.

Гошка глубоко вздохнул, выдохнул, несколько раз провёл ладонью по спине волчицы, быстро встал и вышел из клетки. Дрожали руки, когда он запирает замок, дрожали ноги.

«Только бы эти гады не заметили, как трясусь», – подумал он.

Таня стояла, закрыв лицо руками. Он шагнул к ней и тронул за плечо.

– Вот и всё... – начал он и вздрогнул, увидев её глаза.

– Да! Всё! – крикнула она и ударила его по лицу.

Ошеломлённый Гошка схватился за щёку и замер.

– Обо мне ты подумал? Подумал, что было бы со мной, если бы она стала тебя рвать у меня на глазах? О своём деде, о родителях подумал? Тебе надо было перед этими двумя гадами покрасоваться?

Она ткнула пальцем в сторону Кешки и Веньки, уже слезших с дерева и стоящих с открытыми ртами.

– Пошли вон отсюда! – крикнула она, и Банкир с Генералом послушно повернулись и побежали прочь.

И тут Таня опустилась на землю и заплакала, отчаянно, взахлёб. Гошка никак не ожидал этого и испугался. Он сел рядом с ней и обнял за плечи.

– Не плачь, – повторял он. – Ну, пожалуйста. Ну, ударь меня ещё сколько хочешь раз. Я больше так не буду. Никогда-никогда... Правда, Таня, честное-пречестное слово...

Наконец Таня всхлипнула последний раз и вытерла лицо о Гошкину рубашку.

– Всё, – сказала она. – Уходи. Дружить с тобой нельзя, ты эгоист. Ты только о себе думаешь. И ещё подумай, что ты скажешь деду, когда он узнает, как ты входил в клетку к волчице. Эти гады обязательно всем расскажут. И ещё так наврут, что ты во всём будешь виноват. Давай сюда ключ, я сама повешу на место.

Таня повернулась и пошла, прямая, напряжённая, руки сжаты в кулачки, в одном ключ. Гошка глядел ей вслед и чувствовал, как тяжёлое горе, раскаяние и злость на самого себя поднимаются от живота к голове. Он повернулся к волчице.

– Ну, что делать? – горько спросил он. – Ты тоже считаешь, что я дурак, эгоист и со мной нельзя дружить?

Волчица не ответила. Она лежала на боку и смотрела на Гошку.

Гошка кружил по территории, не решаясь пойти домой. Подолгу стоял перед клетками, смотрел на зверей. Сходил к вольеру сов в тайной надежде найти Таню, но её там не было.

Даже мелькнула мысль пойти к ней, но не решился и наконец с тяжёлым сердцем отправился домой на встречу с дедом.

Дед сидел за столом, когда Гошка вошёл и остановился, повесив голову, боясь встретиться с дедом взглядом. Из кухни вошла тётя Тоня и встала за Гошкиной спиной. Путь к бегству был отрезан. Повисло молчание.

– Ну, что скажешь? – начал дед.

Странно, но гнева и грозы в его голосе Гошка не услышал. Он поднял голову – дед смотрел на него весёлыми глазами, и было похоже, что погрома директор Биостанции, он же родной дед, устраивать не собирается. Полегчало.

– Ты уже знаешь? – спросил Гошка осторожно.

– Эти два негодяя поймали меня на территории и в два голоса, толкаясь и друг друга перебивая, прокричали, что ты хотел выпустить волчицу и даже открыл дверь клетки, но они заставили тебя дверь закрыть и запереть. Я спросил, как ты сумел открыть замок, а они ответили, что у тебя был ключ. В общем, мне сразу всё стало ясно. Я спросил, видел ли это ещё кто-нибудь. Они замаялись, переглянулись. Потом один, что повыше, ответил, что никто, а второй сказал, что была ещё Танька Журавлёва, но она сразу убежала от страха и ничего не видела. Я их поблагодарил и пошёл к Журавлёвым. Твоя Татьяна сидела злая, мрачная, зарёванная и на мой вопрос, что произошло, отвечать отказалась. Тогда я сказал, что, если я не разберусь во всём, мне придётся поверить тем двум свидетелям, которые утверждают, что видели, как ты старался выпустить волчицу из клетки, но они вмешались, не дали тебе открыть дверь. И тем самым спасли народ Биостанции от ужасного хищника. И тут её прорвало. Мне во всех подробностях было расписано, что и как произошло, какой ты герой, какой ты дурак, какие эти двое подлюги и обманщики, и что она тебя ни за что не простит и больше никогда в жизни видеть не захочет. Велено так тебе и сказать. И я тебе так и говорю. Потом мне было сообщено,

что она тебя, может быть, простит когда-нибудь, если ты поклянешься страшной клятвой, что никогда-никогда в жизни не будешь делать таких опасных глупостей. И это я тоже передаю тебе.

Пришли её родители, посмотрели на дочь, на меня и попросили строго тебя не наказывать, потому что все мы в детстве делаем глупости. Спросили, не было ли в моём детстве случаев, когда мальчишки при девочке обвиняли меня в трусости и казалось необходимым сейчас же доказать свою лихость. Я промолчал. Похоже, что уже вся Биостанция знает о твоих подвигах.

За тебя мы не испугались: сытые, здоровые волки на людей просто так не нападают. Волчица, если бы не захотела общаться, ушла бы в дом или припугнула тебя, показав клыки. А она вообще отнеслась к тебе как к родному. Тане я этого не сказал, пусть и дальше думает, что ты герой и дурак. А ты и есть таковой, потому что поддался на провокацию двух негодяев. Тебе что, важно было их мнение о тебе? Или ты испугался, что девочка сочтёт тебя трусом? Если сочтёт, то она глупенькая, и с ней не стоит дружить. Но эта девочка умная. Умнее тебя.

С отцом мальчишки я уже поговорил. Думаю, что он получит своё. Доска с ключами теперь будет висеть в кабинете моего заместителя, Якова Михалыча, и вам, мелкоте, выдавать их не будут.

Всё. Вопрос исчерпан. Давайте ужинать. А ты, Антонина, не защищай его. Глупость всегда глупость, даже если она храбрая. Нужно иметь разум и волю, чтобы не поддаваться на чужие подначки. И разумные девчонки это поймут и правильно оценят.

Да, кстати, волчица раньше выла ночами, а как ты стал с ней разговаривать, выть перестала. Интересный феномен.

Гошка подошёл к деду и ткнулся головой ему в плечо:

– Дед, ты только не сердись, но я это и для себя сделал. Очень хотелось узнать, как Донна ко мне...

Дед молча прижал Гошку к себе тяжёлой рукой.

...Наутро Гошка стал терзаться: идти к Тане мириться или подождать? Она ведь сказала, что простит когда-нибудь. А когда? И какую страшную клятву придумать, чтобы она поверила, что клятва действительно страшная? «Клянусь жизнью?» Скажет, что это не клятва, что я и так жизнью не дорожу. «Век свободы не видать?» Фу! Здоровьем деда или родителей? Не стану. Пусть сама скажет, как мне поклясться! А если она вообще передумала? Приду к ней: «Здравствуй, Таня, прости меня...» – и услышу: «Зачем пришёл? Тебе вчера было ясно сказано: навсегда! Иди, не оборачивайся». Она такая, она может. «Но ты ведь вчера моему деду сказала...» – «Мало ли что я сказала, а если я не хотела его огорчать...» И пойду прочь весь в позоре... А если она ждёт? А я не иду! Разозлится и совсем передумает мириться?

Гошка сам не заметил, как в этих раздумьях оказался возле клетки с волчицей. Увидев его, она подошла к сетке и села, глядя на него. Гошка машинально просунул руку сквозь сетку и стал почёсывать волчицу за ухом. Она раскрыла пасть, зажмурилась и замерла. Гошка спохватился и вдруг понял, что он теперь спокойно может гладить её и она ни за что не укусит его.

Он гладил Донну и рассказывал ей о своих сомнениях:

– Как ты думаешь, идти к ней мириться или пусть сама придёт? Ведь она мне дала по морде... Но я сам был виноват...

И твёрдое решение пришло к Гошке: идти! Прямо сейчас! Пусть прогонит, потом сама пожалеет. Он сообщил о своём решении Донне, вытащил руку и пошёл. Волчица проводила его взглядом.

Недалеко от Таниного дома Гошка встретил Генерала. Тот вышел из-за дерева и встал перед ним с ехидной улыбочкой:

– Куда мы так бежим, Гогочка Московский? К Танечке? Можешь не торопиться, ты ей больше не нужен. Теперь мы с ней самые близкие друзья, а ты можешь дружить со своей волчицей.

У Гошки похолодело внутри.

– Врёшь, Кекешечка! – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

– А это узнаёшь? – всё с той же улыбочкой спросил Генерал. – Мы в знак дружбы с ней поменялись. Я ей свою золотую, а она мне свою с крестиком.

И Гошка с ужасом увидел на его тощей шее Танин крестик. Мелькнула мысль: «Убил! – и тут же исчезла. – Нет, невозможно. И украсть не мог, она свой крестик носит постоянно». Он прыгнул к Генералу, тот отскочил и с хохотом помчался прочь. А Гошка побрёл назад к клетке с волчицей. И тут же понял, что, если он сейчас уйдёт, ему будет стыдно всю жизнь. Он должен посмотреть Тане в глаза и выслушать всю правду в лицо, какой бы эта правда ни была. Он развернулся и побежал к её дому. Дверь была незаперта. Гошка вбежал в дом и замер: Таня с мокрыми волосами ползала на четвереньках по полу, заглядывая под стол, шаря рукой под креслами, под шкафом, под диваном. Вот она подняла глаза, увидела Гошку и покраснела так, что запылали и щёки, и лоб, и шея:

– Пришёл!

– Что случилось? – ошалело спросил Гошка.

– Я принимала душ, крестик свой сняла и вот сюда, на стол, положила, а его нет. Куда он мог подеваться?

И тут Гошка сел на пол, упал головой ей в колени и захохотал так, что Таня испугалась.

– Что с тобой? – дрожащим голосом спросила она. – Ты не заболел? Это из-за меня? Я не хотела... Прости меня, пожалуйста...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.